ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ УКАЗА О СВОБОДНЫХ ХЛЕБОПАШЦАХ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Н. И. СЕРГЕЕВА

Вопрос об указе от 20 февраля 1803 г., известном под названием «указа о свободных хлебопашцах», неоднократно ставился в исторической литературе [1]. Исследователей привлекала преимущественно политическая сторона дела. Изучение практического применения указа сводилось, в основном, к выявлению дополнений и изменений, которые возникали при соприкосновении его с действовавшими законами и вели, по мнению исследователей, к ослаблению в нем освободительных тенденций [2]. Узость постановки проблемы, а также односторонний подход к статистическим данным приводили исследователей к выводу о нереальности и даже бесплодности этой меры [3].

Действительно, если исходить из цифровых данных, то те 151 895 крестьян, которые были уволены к 1858 г. в свободные хлебопашцы [4], не могли серьезно изменить суть феодального хозяйства. И тем не менее сложившаяся в исторической литературе оценка указа от 20 февраля 1803 г. не отражает подлинного его значения.

Изучение экономической сущности указа, связи его с теми процессами, которые совершались в сельском хозяйстве России на рубеже XIX в., выяснение соответствия его новым явлениям в жизни крепостной деревни в совокупности дают ключ к его пониманию. Поэтому центр тяжести исследования должен быть сосредоточен на тех причинах, которые побуждали помещиков воспользоваться рекомендацией указа, а крепостных согласиться на предлагаемые им условия освобождения, а также на выявлении тех хозяйственных категорий помещиков и крестьян, интересам которых данный указ соответствовал [5]. Вопрос об эво-

---

[1] См. В. Вешняков. Крестьяне-собственники в России. Историко-статистический очерк, СПб., 1858; В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. 1, СПб., 1888, стр. 252—281; А. Повалишин. Рязанские помещики и их крепостные, Рязань, 1903, стр. 175—230; В. Бирюкович. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. «Архив истории труда в России», Пгр., 1921, кн. 1, стр. 63—79; его же. Устройство быта свободных хлебопашцев. Там же, кн. 2, стр. 54—64; Н. В. Устюгов. Увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию. «Труды Историко-архивного института», т. III, кафедра истории СССР, М., 1947, стр. 142—169; Т. М. Олейников. Крепостные крестьяне Воронежской губернии накануне освобождения. «Воронежский краеведческий сборник», вып. 3-й, 1925, стр. 18—36.

[2] См., напр. В. Бирюкович. Указ. соч. «Архив истории труда в России», стр. 68—69; Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 143 и др.

[3] См., напр., В. Бирюкович. Указ. соч. «Архив истории труда в России», стр. 68; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, изд. 4-е, т. I, М., 1956 стр. 490 и др.

[4] В. Вешняков. Указ. соч., стр. 61.

[5] Источниковедческой базой данной работы являются условия увольнения в свободные хлебопашцы, составляемые помещиками и крепостными, свидетельства местных должностных лиц и учреждений о состоянии поместий, переписка по каждому

люции указа остается в стороне нашего исследования. В связи с тем, что особый интерес представляет выяснение причин, побуждавших ставить вопрос об освобождении крестьян по указу от 20 февраля 1803 г., мы изучили все «дела» с ним связанные, вне зависимости от итогов их решения. Причем в рамках настоящего сообщения мы ограничиваемся изучением дел, относящихся к 1803—1806 гг., отмеченным сравнительно единым правительственным курсом.

Известно, что указ от 20 февраля 1803 г.[6], разрешавший увольнение в свободные хлебопашцы, явился одним из актов политики, в котором в целом отразилось понимание правительством того, что опасность заключается не в освобождении крестьян, а «в удержании крепостного состояния»[7]. В то же время в начале XIX в. этого еще не могла и не хотела осознать бо́льшая часть дворян. Поэтому вполне понятно, что из тактических соображений указ о «свободных хлепопашцах» подобно манифесту от 5 апреля 1797 г. «о трехдневной барщине»[8] формально явился тем «указом без указа», который давался в качестве рекомендации помещику «без формального нарушения традиционного невмешательства правительства во взаимоотношения крепостного со своим владельцем»[9]. При этом играло известную роль и убеждение, что каждое новое послабление крепостного права влечет за собой крестьянские волнения[10].

Стремление царизма смягчить классовые противоречия в стране, не ущемляя, однако, экономические и политические привилегии дворянства, и не порождая у крестьян надежды о возможности полного их освобождения,— одна из причин появления указа «о свободных хлебопашцах». Другая причина — экономическая его обусловленность.

Указ не был чем-то искусственно выращенным в «интимном» комитете императора Александра I. Он явился весьма своеобразным юридическим оформлением процессов, происходивших на рубеже XIX в. Экономическим отрывом крестьянского хозяйства от помещичьего, который происходил первоначально в рамках крепостной вотчины[11], а после за-

---

конкретному случаю увольнения. Они хранятся в ЦГИА СССР, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 234, 1803—1854 гг. Материал изучен очень мало, так как исследователями использовались преимущественно доклады министров и указы Сената, излагавшие лишь в общих чертах условия увольнения крепостных, которые публиковались в «Санкт-Петербургском журнале» и ПСЗ. Правда, в работах Н. Устюгова и А. Повалишина использованы дела Московского и Рязанского областных архивов.

[6] См. ПСЗ, т. XXVII, № 20620. Правила увольнения, утвержденные 21 февраля 1803 г., см. т. XXVII, № 20625. Эти правила предусматривали три рода увольнения в свободные хлебопашцы: первые два предоставляли крестьянам свободу и утверждали им в потомственную собственность землю за выкуп, вносимый непосредственно при освобождении или в сроки, установленные условиями; третий — оставлял крестьян «крепкими» земле, за пользование которой им вменялось в обязанность исполнение повинностей или выплата оброка в срок или навсегда.

[7] «Извлечения из заседаний неофициального комитета». М. И. Богданович. История царствования императора Александра I и России в его время, т. I, СПб, 1869, Приложения, стр. 53.

[8] См. ПСЗ, т. XXIV, № 17909.

[9] С. Б. Окунь, Э. С. Паина. Указ от 5 апреля 1797 года и его эволюция. «Труды Института истории Академии наук СССР. ЛОИИ», вып. 5-й. Исследования по отечественному источниковедению, М., 1964, стр. 288, 290.

[10] См. «Извлечения из заседаний неофициального комитета». М. И. Богданович. Указ. соч., Приложения, стр. 51.

[11] О появлении крестьян-землевладельцев среди крепостного населения см., напр., Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., М., 1957, стр. 38—49; Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века, М., 1955; В. Н. Кашин. Крепостные крестьяне-землевладельцы накануне реформы. «Известия Академии наук СССР». VII серия. Отделение общественных наук. 1933, № 8, стр. 541—590; № 9, стр. 655—703; А. Н. Небольсин. О крепостных крестьянах-капиталистах Воронежской губернии. «Известия Воронежского краеведческого общества», 1927, № 3—5, стр. 24—31.

кона 12 декабря 1801 г. [12] стал развиваться и за ее пределами. С другой стороны, указ отразил и подрыв экономического состояния дворян, прогрессировавший вследствие несовместимости крепостнических форм труда с развитием товарности их хозяйств. Издание его должно было предоставить «помещикам разные выгоды» и «оказать полезное действие на одобрение земледелия и других частей государственного хозяйства» [13]. В секретном циркулярном письме гражданским и военным губернаторам от 27 февраля 1803 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей писал, что «намерение сего установления состоит в том, чтоб доставить помещикам способ отдавать земли в наем или их обращать в продажу, за выгоднейшие цены не в одни чужие руки, но и собственным их крестьянам, есть ли господин найдет в том свою выгоду и пожелает доставить им прочную пользу» [14]. Скупость бюрократического языка Кочубея восполняется откровенностью помещика А. А. Петрово-Солово, который, увольняя 5000 крепостных в свободные хлебопашцы, писал в марте 1804 г. В. П. Кочубею, что «причины, могущия подвигнуть помещиков на увольнение крестьян с землею, суть долги, их обременяющие». Правда, он не отрицал и «общественную пользу» этого дела [15].

Действительно, по примерным данным, из общего количества «дел» увольнения в свободные хлебопашцы за 1803—1806 гг. 16, т. е. 43,4%, были возбуждены помещиками, имения которых все или частично находились в залоге. Число же уволенных ими крестьян составило 95% всех крепостных, переведенных на основании этих дел в новое состояние (из 13 826 крестьян, представленных к увольнению, помещикам-должникам принадлежало 11 279 душ мужского пола, а практически было уволено 9323 д. м. п., из которых помещикам-должникам принадлежало 8873 д. м. п.) [16].

Экономическая выгода увольнения в свободные хлебопашцы для таких помещиков заключалась в том, что не только выкуп из крепостной неволи, но и из залога производился крестьянами [17]. Причем долги на плечи крестьян перекладывались двояким образом: либо путем прямого обязательства крестьян, предусматриваемого в условиях, либо в завуалированной форме, когда помещик погашение долга формально брал на себя, а фактически включал его сумму в выкупную стоимость увольнения в свободные хлебопашцы. Обоснованием данного вывода может служить примерно один и тот же уровень размера выкупа в обоих случаях (в первом — по 363 и во втором — по 361 руб. в среднем за одну ревизскую душу) [18].

Немногие данные, которые имеются в нашем распоряжении, позволяют все же судить и о преимуществах, получаемых помещиками от увольнения крестьян в свободные хлебопашцы по сравнению с другими видами дохода от крепостных: продажи, оброка и прочее. Сравнение вы-

[12] См. ПСЗ, т. XXVI, № 20075. Указ распространял право приобретать ненаселенные земли на свободное податное сословие, а следовательно, и на отпущенных на волю крестьян, которым указом от 12 марта 1775 г. (см. ПСЗ, т. XX, № 14275) разрешалась запись в мещанское или купеческое сословие.

[13] ПСЗ, т. XXVII, № 20620.

[14] В. Вешняков. Указ. соч., стр. 31.

[15] ЦГИА, ф. 1284, оп. 234, д. 6, 1804 г., лл. 298 об., 299.

[16] Общее число крестьян в действительности было несколько большим, так как в трех делах не указано их количество по имению. Подсчет произведен по данным дел об увольнении в свободные хлебопашцы. См. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, дд. 1—48, 60, 65, 69, 71, 77, 100, 113, 124, 1804—1811 гг.

[17] Появление в начале XIX в. среди клиентов Заемного банка свободных хлебопашцев, бравших на себя долг помещика, отмечает С. Я. Боровой к книге «Кредит и банки России» (М., 1958, стр. 115).

[18] Расчет произведен на основании данных ряда дел об увольнении в свободные хлебопашцы: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, дд. 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 1804 г.; дд. 31, 32, 1805 г.; дд. 39—41, 43, 45, 47, 1806 г.; дд. 65, 1808 г. По подсчетам В. И. Семевского, произведенным на основании данных за всю первую четверть XIX в., среднедушевой выкуп составлял 396 руб. См. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 268.

купной стоимости крестьян, увольняемых в свободные хлебопашцы с покупной, а также с доходами, поступающими от них в виде оброка, подтверждают это [19].

ТАБЛИЦА 1[20]

Наименование губерний	Фамилии помещиков	Дата приобретения имений	Покупная цена (в руб. ассигн.)		Выкупная стоимость (в руб. ассигн.)		Превышение выкупной стоимости над покупной ценой
			общая	одной д. м. п.	общая	одной д. м. п.	
Воронежская	Петрово-Солово	1803	954 900	191	1 500 000	300	1,5 раза
Рязанская	Толстой	90-е годы XVIII в.	4200	38	11690*	334	9 раз
Московская	Зайцева	1805	150 000	478	8000*	727	1,5 раза

* Помещики Зайцева и Толстой увольняли часть купленных крестьян.

Если даже не принимать во внимание данные по имению М. Ф. Толстого, учитывая значительный временной разрыв между покупкой и освобождением крестьян, все же превышение в 1,5 раза стоимости увольнения крепостных А. А. Петрово-Солово и Н. Г. Зайцевой, по сравнению с рыночной их ценой, свидетельствует о выгодах увольнения по указу от 20 февраля 1803 г. [21] Они дополняются превосходством размеров выкупа и над оброком, который крестьяне, оставаясь крепостными, вносили бы владельцам. Ежегодные взносы в счет выкупной суммы крестьян Петрово-Солово, Дю-Монте более чем на 18 000 руб. превышали их годовой оброк, крестьян Куракина — на 14 000 руб. и т. д.[22].

Вот почему по количеству представлений к увольнению и утверждений условий, а также по числу уволенных крестьян первое место занимали помещики, для которых приобретение значительного капитала являлось определяющей причиной использования указа от 20 февраля 1803 г. Это помещики черноземных и в основном нечерноземных губерний. Общим и характерным для них являлось увольнение крепостных в свободные хлебопашцы с землей за высокий выкуп с одновременным разрывом юридической и экономической зависимости, фиксируемой сразу по утверждению условий. Причем, стоимость выкупа не согласовывалась с качеством и количеством отделяемой им земли. При средней стоимости выкупа одной души мужского пола в 335 руб. в нечерноземной и 329 руб. в черноземной полосе среднедушевой надел соответственно составлял примерно 3,8 и 15 дес. [23]. При общем высоком размере выкупа исключение составляли условия освобождения крестьян помещиков И. А. Тейльса, М. Н. Горчакова, Д. П. Аникиевой. Относительно невысокий выкуп крестьян Тейльса объяснялся тем, что имение его было представлено к продаже за долги и крестьяне, возбудив дело о своем увольнении в свободные хлебопашцы, фактически выступали в

[19] Сравнение стоимости выкупа с общераспространенной в начале XIX в. покупной ценой крепостных крестьян представляет значительные трудности, так как размеры последней весьма произвольны. Например, в Нижегородской губернии в 1803 г. цена ревизской души с землей колебалась от 80 до 500 руб. См. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 46, 1806 г., л. 9.

[20] Таблица составлена на основании данных: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, дд. 6, 12; 1804 г.; д. 39, 1806 г.

[21] Покупная цена крестьян в казну в начале XIX в. составляла 200 руб. за ревизскую душу. См. там же, д. 32, 1805 г., л. 319; д. 21, 1804 г., л. 212.

[22] См. там же, дд. 3, 4, 1804 г.; д. 32, 1805 г.; д. 46, 1806 г.

[23] См. там же, дд. 2—8, 11—12, 14, 1804 г.; дд. 23, 29, 32, 34, 1805 г.; дд. 37, 39, 41, 43, 46—47, 1806 г.; д. 49, 1807 г.; д. 65, 1808 г.

роли покупателей имения[24]. Горчаков, долги которого превышали 200 000 руб., а владения находились под запретом и освобождение крестьян по закону не могло быть произведено, получил с них выкуп обманным путем[25]. Увольнение же крестьян помещицей Аникиевой имеет свои особенности и по характеру увольнения ближе к освобождению по духовному завещанию, хотя производилось «по условиям»[26].

Особенностью увольнения в нечерноземных губерниях являлся единовременный взнос выкупной суммы сразу при совершении записи крестьян в свободные хлебопашцы, либо в минимальные сроки, в пределах нескольких лет. Специфично для этих губерний увольнение каждым помещиком небольшого числа крепостных, составлявших либо малую часть, либо небольшое по размерам имение. В итоге, в нечерноземных губерниях, где были утверждены 8 условий увольнения, в свободные хлебопашцы были переведены лишь 702 крестьянина, в то время как в черноземных губерниях по трем договорам уволены 7939 крепостных.

Отличительной чертой увольнения в свободные хлебопашцы в исследуемые годы в черноземных губерниях являлся перевод в новое состояние каждым помещиком большого числа крестьян одного имения за громадный выкуп, выплачиваемый в рассрочку. Но даже при значительных льготных сроках, в данных случаях в 19 и 25 лет, помещики этой зоны обеспечивали себе высокий годовой доход. Если исходить из средних цифр, то Петрово-Солово обеспечил себе увольнением крестьян в свободные хлебопашцы средний ежегодный доход примерно в 79 000, а Куракин — в 44 000 руб. В действительности же, в связи с тем, что выплата выкупной суммы распределялась по годам неравномерно, по нисходящей линии: в первые годы эти помещики получали с увольняемых крестьян по 100 000 и 60 000 руб., т. е. сумму, почти в два раза превышающую годовой оброк[27].

Отмеченные общие и специфические черты увольнения крепостных в свободные хлебопашцы помещиками черноземной и нечерноземной полос, объединенных в единую группу цо целям этой операции, связаны с экономическими особенностями губерний и помещичьих хозяйств. Сравнительно большое количество представлений к увольнению, высокая стоимость выкупа, способность крестьян выплачивать его в минимальные сроки свидетельствуют о большой глубине имущественного расслоения крепостных нечерноземных губерний. О том же свидетельствует малое количество крестьян, уволенных помещиками этих губерний в свободные хлебопашцы. В этом специфика крепостных сел и деревень нечерноземных районов.

Несколько иначе складывались возможности увольнения крепостных в свободные хлебопашцы для помещиков черноземных губерний. Правда, необходимо учитывать, что исследуемые случаи увольнения относятся только к Воронежской губернии и к двум имениям, где была развита торгово-промысловая деятельность. Широкое участие воронежских крестьян Куракина и особенно Петрово-Солово в торговле и промыслах допускало назначение высокого выкупа, но многочисленность увольняемого населения затрудняла единовременное его получение. В то же время благоприятные условия к хлебопашеству и скотоводству создавали, по-видимому, устойчивость середняков, которые при содействии более состоятельных крестьян могли участвовать в собственном выкупе на волю. И, действительно, среди крестьян имения Куракина сбор выкупной суммы, как сообщалось в официальном документе, происходил

[24] Там же, д. 32, 1805 г.
[25] Там же, д. 43, 1806 г.; д. 65, 1808 г.
[26] Там же, д. 2, 1804 г.
[27] В имении Куракина оброк составлял 30 000 руб., в имении Петрово-Солово — 60 000 руб. См. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 3, 1804 г., лл. 182—183; д. 6, 1804 г., лл. 289—289 об.

«смотря по состоянию каждого», а в имении Петрово-Солово располагался «по состоянию и имуществу, и по числу душ в семействах от 280 до 10-ти рублей в год»[28], вместо причитавшихся с каждого увольняемого по 20 руб. в год.

Хозяйственные интересы помещиков проявлялись в наделении увольняемых крестьян землей. В отличие от происходившего в начале XIX в. сокращения наделов в черноземных губерниях с целью расширения барской запашки и увеличения их — в нечерноземных — для повышения оброчных платежей, при увольнении в свободные хлебопашцы крестьяне нечерноземных имений получали меньше земли (в среднем около 3,8 дес. на ревизскую душу), черноземных — больше (в среднем до 15 дес.). Так как в нечерноземных имениях увольнялась небольшая часть крестьян этих имений, то крестьяне, остающиеся в зависимости, сохраняли бóльшие наделы, чем в черноземных губерниях. Например, при увольнении 20 крестьян петербургского имения С. В. Шкурина наделы их составили в среднем 6 дес. на душу, а наделы оставшихся в неволе — 8 дес..; при увольнении же 38 крестьян рязанского имения Толстого они получали по 4,5 дес., в то время как душевой надел крепостных равнялся 2,75 дес.[29] Видимо, это объясняется тем, что, сокращая в нечерноземных губерниях наделы увольняемых крестьян и увеличивая земельные участки крестьян, оставшихся «крепкими», помещик обеспечивал себя не только сразу получаемым значительным капиталом, но и создавал условия для повышения постоянно взимаемых с основной части крестьян оброчных платежей.

Напротив, помещики черноземных губерний, предоставляя крестьянам, особенно при увольнении целым имением с выкупом в рассрочку, наделы, превышающие участки крепостных, видели в этом необходимое условие исправного получения всей выкупной суммы.

Приложение капиталов, получаемых в результате увольнения крепостных в свободные хлебопашцы, определить пока трудно, но наметить их целевое назначение некоторыми из помещиков возможно. Это, во-первых, уплата долгов, укрепление материального положения, о чем говорилось выше. Во-вторых, обеспечение приличным состоянием наследников, не имевших прав на родовое имение. Освобождая крепостных сел Белокуракино и Павловки Сердобского уезда Воронежской губернии, помещик А. Б. Куракин выкуп в размере 1 млн. руб. распределял на две части: одна шла на уплату долга в Государственный вспомогательный банк, вторая — на взносы в Санкт-Петербургский Опекунский совет императорского воспитательного дома в пользу его девяти воспитанников Сердобиных. В-третьих, на переход, если не в целом, то частично, на новые методы ведения хозяйства. У нас нет оснований утверждать, что помещики, освобождая крепостных на условиях указа 20 февраля 1803 г., переводили собственные хозяйства в целом на капиталистические основы. Крепостнический характер их увольнения в свободные хлебопашцы проявлялся во многом: и в сохранении за помещиком права наблюдения за разделом земли и за имением в целом в течение срока, назначаемого для совершения выкупа, и в том, что беглые крестьяне не подлежали увольнению и часто лишались этой возможности дворовые крестьяне, и, наконец, в том, что выкупу подлежала не только земля, но и личная свобода.

И тем не менее в результате освобождения крепостных по указу от 20 февраля 1803 г. частичная перестройка помещичьего хозяйства в некоторых имениях все же происходила. Так, А. Б. Куракин, оставляя за собой при увольнении крепостных воронежской вотчины винный откуп,

---

[28] Там же, д. 5, 1805 г., лл. 253, 254 об.; д. 7, 1805 г., л. 402.

[29] Подсчет произведен по делам увольнения в свободные хлебопашцы. См. ЦГИА СССР, ф. 1284; оп. 234, д. 6, 12, 1804 г.

обязывался к его обслуживанию привлекать крестьян не иначе как по добровольному их согласию, с платежом найма по условиям, с ними заключенными [30].

Подобным же образом Петрово-Солово, увольняя крепостных имения в Валуйском уезде Воронежской губернии и оставляя за собой до окончания выплаты выкупной суммы винокуренный завод, договаривался с ними о найме работников, о покупке у них для нужд завода хлеба и иных припасов «по добровольным ценам» с той, однако, особенностью, что вместо денег обещал продавцам хлеба и припасов и наемщикам лично или вотчинному начальству выдавать расписки в счет ежегодных выкупных платежей [31]. Впрочем, в этом проявилась склонность помещика к кабальным формам эксплуатации наемной рабочей силы.

Вместе с тем Петрово-Солово — это представитель нового типа дворян, помещик-предприниматель, использовавший указ от 20 февраля 1803 г. для заключения выгодной сделки. Покупая уже в сентябре 1803 г. имение, продававшееся частями с молотка, на деньги, внесенные крестьянами в счет выкупа, и обещая им за это увольнение в свободные хлебопашцы, Петрово-Солово обеспечивал себе право определения условий освобождения [32], а тем самым и прибыль, которая достигла полмиллиона руб. [33]

Часть помещиков, как свидетельствует ряд дел, поданных в 1803—1806 гг. в Министерство внутренних дел, привлекал в указе другой путь повышения доходности имений — освобождение крепостных с правом условного владения землею за повинности, переведенные в позе-мельную плату.

ТАБЛИЦА 2[34]

Наименование губерний	Фамилии владельцев	Количество крестьян		Условия увольнения		Дата утверждения условий увольнения
		всего в имении	представлено к увольнению	вид выкупа и срок	земля	
Подольская	Тутолмин	не указано	все	потомственно повинности	аренда	не состоялось
Курская	Беклешев	950	587	»	условное владение	»
Саратовская	Куракин	1379	1379	повинности в течение 40 лет	»	»
Виленская	Нагурский	не указано	все	потомственно повинности	аренда	1807 г.

Они были в принципе за безземельное освобождение крестьян. Но страшась пролетаризации крестьян и нуждаясь в рабочей силе, они предпочитали видеть на своих землях свободных арендаторов, прикрепленных к имениям повинностями за пользование землей. Генерал Т. И. Тутолмин, например, считал «условное в потомстве владение землею» средством, которое возбудит в крестьянах «трудолюбие и радетельность» и «безропотно привяжет их к земле», а «уверенность поселян в личной и имущественной безопасности обще с условным ограждением

---

[30] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 3, 1804 г., л. 208.
[31] Там же, д. 6, 1804 г., лл. 287—288.
[32] Там же, л. 262.
[33] Там же, лл. 257, 292—293.
[34] Таблица составлена по данным: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, лл. 18, 19, 1804 г.; д. 31, 1805 г., д. 45, 1806 г.; д. 48, 1807 г.; дд. 97, 100, 1811 г. Дело Нагурского специально анализироваться не будет, так как фактически его крестьяне были освобождены в 1800 г. по завещанию, а в 1807 г. при записи их в свободные хлебопашцы условия увольнения определялись Министерством внутренних дел. См. там же, д. 31, 1805 г.; д. 48, 1807 г.

от произвола по управлению, возродит в них привязанность к месту жительства и к владельцу с утверждением по взаимному соединению выгод связи их и древнего соотношения» [35].

По сути дела, теми же соображениями руководствовался и А. А. Беклешев, могущественный генерал-прокурор павловской эпохи, желая уволить часть крестьян одного из имений с условным правом владения землей. Посещение этого имения, пожалованного ему Павлом I в 1797 г., убедило помещика в сокращении его доходности. И Беклешев составляет увольнение крестьян с условием, что «каждый и все вообще принадлежать имеют навсегда к сим селам, и потому никого из них не отлучать никаким образом и ни под каким видом..., а оставаться им в своих селах в упражнениях крестьянских» [36].

Проект увольнения крепостных Беклешева во многом перекликался с законом от 20 февраля 1804 г., определившим отношения крестьян и помещиков в Прибалтийских губерниях [37]. То же прикрепление к земле, которая «оставляется во всегдашнее и неотъемлемое содержание и пользование крестьянам», то же предписание «не отлучать никаким образом и ни под каким видом, ни продавать, ни иначе укреплять или переводить их за кого отдельно от их сел», а «оставаться им в своих селах в упражнениях крестьянских», та же регламентация повинностей, точное определение поставок «произрастаниями» или по разрешению помещика деньгами «по сходным на обе стороны продажным ценам» [38]. Ограничивая право помещика распоряжаться судьбой крестьянина и передавая мирскому собранию дела земской полиции, проект Беклешева не изменял фактически прежних форм эксплуатации. Кроме тех крестьян, выход которых из селений был выгоден Беклешеву [39], никто из них не мог по своему усмотрению распоряжаться полученной свободой. Для них исполнение повинностей было обязательным условием пользования землей, которое в свою очередь являлось обязательным условием увольнения этих крестьян в свободные хлебопашцы. «Оброкоположение» Беклешева, по сути дела, ограничивало даже временный уход крестьян из селений на промыслы. Он допускался только из «великосемейных» дворов, в которых было не мене трех тягл, при круговой поруке мира «за исправное отправление земледельства», повинностей и своевременное возвращение отпущенного [40]. Проект Беклешева в итоге предполагал такое увольнение крепостным в свободные хлебопашцы, когда крестьяне получали условно не только землю, но и свободу.

Составленная в ноябре 1804 г. Т. И. Тутолминым «Мысль, на которой основана предполагаемая свобода поселян местечка Рашкова и села Белоча» [41] строилась на том же принципе. Однако проект Тутолмина в какой-то степени предвосхищает законы 1816—1819 гг., которые переводили крестьян Прибалтийских губерний на положение арендаторов земли у помещиков [42].

---

[35] Там же, д. 19, 1804 г., л. 191.

[36] Там же, д. 18, 1804 г., лл. 149, 150. Из «Оброкоположения для крестьян Курской губернии Дмитриевского уезда дер. Звенячки и Глубово», составленного А. А. Беклешевым.

[37] ПСЗ, т. XXVIII, № 21162.

[38] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 18, 1804 г., лл. 150—152.

[39] В курском имении Беклешева по 5-й ревизии числилось 950 душ мужского пола и более 5 000 дес. земли, в числе которых пашня составляла 3 206 дес. Наличное крепостное население разбивалось на 430 тягл и на каждое тягло — мужского работника в возрасте от 18 до 55 лет — приходилось 2,5 дес. в поле (7,5 дес. всего). «Оброкоположение» Беклешева предполагало довести количество тягл до 267 путем увольнения части крестьян в свободные хлебопашцы за выкуп без земли в поле с тем, чтобы на каждое из 267 тягл приходилось по 4 дес. земли в поле (всего по 12 дес.). См. там же, лл. 147—186 (Расчеты произведены самим Беклешевым).

[40] ЦГИА, СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 18, 1804 г., л. 152 об.

[41] Там же, д. 19, 1804 г., лл. 191—197.

[42] ПСЗ, т. XXXIII, № 26277, 26278, 26279; т. XXXVI, № 27734, 27735, 27736.

Тутолмин, подобно Беклешеву, предполагал увольнение крестьян с условным «в потомстве владением землею» и прикреплением к ней, с запрещением «переселяться на посторонние земли либо избирать другой род жизни». Помещик обязывался «не удалять их (крестьян.— *Н. С.*) с местожительства, и на сей конец единожды навсегда уничтожает свое и потомков своих право продавать, закладывать безденежно и по каким бы то ни было сделкам уступать с землю и без земли лично из сего имения крестьян обоего пола» [43].

Но если «Оброкоположение» Беклешева для крестьян освобожденных не меняло бы прежних форм владения землей, оставляя старый порядок распределения ее по тяглам и прежний способ взимания повинностей, только регламентируя их, то проект Тутолмина вводил новые формы владения землей и, сохраняя помещичье хозяйство (экономию), всю прочую землю предоставлял в потомственную аренду крестьянам с переводом повинностей в поземельную плату.

Существенное различие двух проектов заключалось в размерах участков земли, передаваемых в условное владение крестьянам. Беклешев допускал полный выход части крестьян без земли, чтобы довести наделы остальные до приемлемой по его расчетам нормы в 12 дес. на тягло. Тутолмин предполагал разбить оставшуюся за ним землю на 15-десятинные участки и предоставить крестьянам право сверх обычных крестьянских наделов приобретать их в аренду без ограничений, по состоянию. Кроме того, предвидя возможный избыток земли, он намеревался разрешить аренду и «вольным всякого состояния людям», живущим в местечке Рашково. Он допускал и работу по найму для крестьян, так называемых холупников и бобылей, которые не могли арендовать землю. Им предлагалось на выбор либо, оставаясь в прежней зависимости, отрабатывать повинности в помещичьей экономии, либо, получив личную свободу, приписаться к крестьянам-хозяевам «для отправления работ за плату по добровольному условию...» [44].

Все это свидетельствует о различиях в экономическом состоянии хозяйств Беклешева и Тутолмина, которые и определили прежде всего условия увольнения их крепостных в свободные хлебопашцы. В увольнении, проектируемом Беклешевым, боязнь крестьянского «своеволия» явно отступила перед угрозой личного разорения. Он хотел уволить примерно треть крестьян без земли за крупный выкуп и так решить земельную проблему.

Планами Тутолмина также руководили в первую очередь экономические соображения, поиски путей повышения доходности хозяйств, но в условиях острого недостатка рабочих рук, а не земли. Отсюда сочетание капиталистических форм земельной аренды и найма рабочей силы с прикреплением к земле как арендаторов, так и холупников. Причем эти обновленные методы хозяйствования допускались лишь в крестьянских владениях, а не в собственно помещичьих. Но вместе с тем для Тутолмина и Беклешева является общим принцип условного в потомстве владения землей крестьянами. Фактически производилась лишь подмена личной зависимости крестьян прикреплением их к земле, собственником которой оставался помещик.

Увольнение крепостных в свободные хлебопашцы с условным пользованием землей имело другой вариант, когда устанавливались сроки условного владения и обязанные отношения объявлялись временными. К нему относится предполагавшееся в 1806 г. А. Б. Куракиным увольнение 1379 крепостных родовой Надеждинской вотчины Саратовской губернии [45]. Цели увольнения определялись примерно теми же моментами, что и освобождение в 1804 г. крепостных воронежского его по-

[43] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 19, 1804 г., лл. 192 об.— 193.
[44] Там же, л. 194 об.
[45] Там же, д. 45, 1806 г.; д. 100, 1811 г.

местья [46]. Там речь шла о погашении долгов за счет крестьян, здесь — о переводе на содержание крепостных «благотворительных» учреждений, но в обоих случаях общим являлось наращивание капиталов в пользу воспитанников, не имеющих прав наследования на родовые имения. Условия увольнения предлагались принципиально иные: с условным правом владения землей за повинности, регламентированные размерами ежегодного дохода с имения, который в 1806 г. достиг 20 000 руб. Таким образом, повинности обращались в поземельную плату, но ограниченную сроком в 40 лет, по истечении которых оброк сокращался до трехрублевого «вечного» душевого ежегодичного взноса на содержание больницы, богодельни и прочее. Однако условия должны были войти в действие только после смерти Куракина. Правда, помещик обязывался «крестьян впредь не закладывать, не продавать, из вотчины не переселять и учиненного акта об освобождении их и об учреждении богоугодных заведений не нарушать» [47].

Причины иной позиции Куракина следует видеть в изменившемся экономическом положении самого помещика, в короткий срок уволившего в хлебопашцы и продавшего до 10 тыс. крестьян из 17 тыс. крепостных. Кроме того, Надеждинская вотчина, его родовое имение, пользовалась особым расположением помещика [48], что и побудило Куракина отодвинуть сроки увольнения крестьян до своей смерти. В целом проект Куракина заключал в себе еще больше крепостнических черт, чем планы увольнения Беклешева и тем более Тутолмина. Согласно их проектам, запись крестьян в новое состояние должна была совершиться сразу по заключению условий. По проекту Куракина она отодвигалась на неопределенный срок и, согласно его «Записке» [49], должна была произвестись по духовному завещанию.

Число попыток подобного использования указа о свободных хлебопашцах в 1803—1806 гг. достигло десяти. Они охватывали как помещиков черноземных, так и нечерноземных губерний, в основном владельцев сильно раздробленных или небольших по доходам имений (см. табл. 3 [50]).

Увольнение крестьян этих имений в свободные хлебопашцы за выкуп не обещало по состоянию крестьянских хозяйств сколько-нибудь значительных выгод. В переводе же крепостных крестьян в свободные хлебопашцы по духовному завещанию, т. е. только после своей смерти, помещики видели возможность «очистить совесть... в неупотреблении во зло» данной им власти [51] и избежать раздела имений «на незначущие частицы» между наследниками [52], а главное, обеспечить прочные основания своего благополучия.

---

[46] В. И. Семевский эти два случая увольнения крепостных Куракиным представляет как один, перенося результаты второго на первый. Поскольку увольнение саратовских крестьян не состоялось, он и воронежских его крестьян не вносит ошибочно в списки освобожденных. См. В. И. Семевский. Указ. соч., стр. 261, 274—276.

[47] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 45, 1806 г., лл. 362 об — 363.

[48] Там же, д. 100, 1811 г., лл. 38. Завещание А. Б. Куракина, составленное в 1817 г. (копия), а также д. 45, 1806 г., л. 360.

[49] Полное наименование документа: «Записка, на каком условии князь Куракин предлагает даровать вечную свободу Саратовской своей вотчине и учредить в оной разные богоугодные заведения». Составлена 4 декабря 1806 г. См. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 45, 1806 г., лл. 360—363. См. также отдельное издание: А. Б. Куракин. Утвержденное положение кн. Александра Борисовича Куракина — для учреждения после его кончины на вечные времена его Саратовской вотчины в Надеждине богодельни, больницы, СПб., 1807.

[50] Таблица составлена на основании данных: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, дд. 15, 16, 20, 21, 22, 1804 г.; дд. 25, 28, 1805 г.; дд. 36, 39, 42, 44, 1806 г.; дд. 69, 77, 1809 г., д. 95, 1811 г.

[51] Там же, д. 13, 1803 г., л. 72 об.

[52] Там же, д. 21, 1804 г., лл. 209, 211—211 об.; д. 35, 1805 г., лл. 4, об — 5; д. 25, 1805 г., л. 104 и др.

ТАБЛИЦА 3

Наименование губерний	Нечерноземные губернии							Черноземные губернии						
	фамилии владельцев	количество крестьян		условия увольнения		дата утверждения условий	наименование губерний	фамилии владельцев	количество крестьян		условия увольнения		дата утверждения условий
		всего в имении	представл. к увольнению	цена	сроки				всего в имении	представл. к увольнению	цена	сроки	
Ярославская	Жеребцова	635	635	повинности	до смерти помещика	не состоялось	Казанская Курская	Юдина	?	1	повинности	до смерти помещика	1805 г.
Тверская													
Костромская													
Московская													не состоялось
Нижегородская	Разладина	123	123	»	»	»	Орловская	Кравцов	427	427	»	»	
»	Трофимов*	44	44	»	»	»	Рязанская	Тютчева	106	106	»	»	
Ярославская	Валмасов	не указано		»	»	»	Симбирская	Куроедова	264	264	»	»	»
»	Новикова	126	120	»	»	«	»	Ключарова	81	81	»	»	1806 г.
Всего . .	5		—				—	5		82			2

* По делу Трофимова было предварительное решение о принятии крестьян по смерти владельца в казну с последующей записью в свободные хлебопашцы. Окончание дела неясно.

Обещая не продавать, не закладывать увольняемое имение, не повышать взимаемых с крестьян поборов, помещики тут же требовали от них оставаться в полном распоряжении, «то есть в господской работе, услугах и послушании... на том основании как до ныне существуют» [53]. Они обещали бесплатную волю и землю и требовали уплаты долгов помещика, податей за дворовых, взносов в церкви и монастыри на помин души, на благотворительные цели, урезали наделы и допускали «надбавки» к обычным податям крестьян. Посулами и угрозами они смиряли недовольство крестьян и надеялись поднять их трудоспособность, обеспечить регулярную выплату податей.

Так, в ходе уже первых лет реализации указа от 20 февраля 1803 г. основной вопрос эпохи о принадлежности земли из сферы обсуждения стал переноситься на практическую почву. Если часть помещиков считала возможным увольнение в свободные хлебопашцы производить с передачей им земли в полное и потомственное владение, то другая (не меньшая) часть предпочитала сохранять за собой право собственности на землю, предоставляя крестьянам возможность аренды или условного владения ею за регламентированную поземельную плату в виде денежного или натурального оброка.

Наконец, в связи с изданием указа практически ставится вопрос о безземельном освобождении крестьян (см табл. 4) [54].

Инициатива его постановки исходит от помещиков черноземных губерний. Они считали своей задачей увеличение крестьянских земельных наделов и

[53] Там же, д. 36, 1806 г., л. 88 об.

[54] Таблица составлена на основании данных: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 18, 1804 г.; д. 30, 1805 г.; д. 40, 1806 г.; д. 89, 1811 г.

предполагали решить ее путем лишения земли части принадлежавших им крестьян. Причем в зависимости от особенностей губерний, в которых располагались поместья, безземельное увольнение крестьян и расширение за их счет наделов земли производилось либо внутри одного имения,

ТАБЛИЦА 4

Наименование губерний	Фамилии владельцев	Количество крестьян		Размер выкупа (в руб.)			Размер надела	Дата утверждения условий увольнения
		всего в имении	представл. к увольнению	одной д. м. п. (в округл. цифрах)	всех увольняемых крестьян	срок выплаты выкупа (в годах)		
Таврическая	Каховский	328	328	274	90 000	3	без земли	1807 г.
Пермская	Дебосабро	70	70	217	15 200	единовр.	» »	1806 г.
Курская	Беклешев	950	363	162	58 680	»	» »	не состоялось
Всего:	3		398		105 200			
В среднем				264				

Примечание: При расчете средних цифр учитываются только состоявшиеся увольнения в свободные хлебопашцы.

либо в одном из имений. Так, В. М. Каховский, увольняя таврических крестьян, писал: «Для уплаты долгов, по кончине родителя моего графа Каховского оставшихся, и чтобы перевести в Крым из Смоленской губернии, по недостатку там земли, несколько душ — предположил я отпустить на волю за девяносто тысяч рублей крепостных моих ногайцев» [55]. Уволив в свободные хлебопашцы 328 крестьян Таврической губернии Феодосийского уезда деревни Мелек, Каховский сохранил землю для расселения на ней других своих крепостных и получил еще капитал в 90 000 руб., выплаченный в течение трех лет согнанными с земли крестьянами. Разрешение на безземельное освобождение в данном случае было дано в связи с заверением губернатора, что крестьяне «с пользою могут быть водворены на землях казенных, в которых нет недостатка в Таврической губернии» [56]. Крепостные ногайцы по выплате выкупа к 1811 г. были записаны в «свободные земледельцы», «с тем самым окладом, каковой, будучи за помещиком, в звании малороссийских поселян, платили», и поселились, правда, не на казенных, а на арендованных у помещиков Таврической губернии землях «по обоюдному» с ними согласию на том же положении, что и казенные татары [57]. Обращает внимание высокая цена, установленная Каховским для выкупа крестьян без земли (по 274 руб.), причем за право жить на казенной земле или за аренду земли частной им предстояло платить особо.

В несколько ином плане пытался разрешить земельную проблему, используя указ от 20 февраля 1803 г., А. А. Беклешев. Увеличение наделов крестьян курского имения, о котором речь уже шла выше, он намеревался произвести за счет безземельного увольнения части крепостных того же имения. В итоге он должен был получить капитал более чем в 58 000 руб. и за счет увеличения наделов повысить оброк с 19 руб. 31 коп.

[55] Там же, д. 40, 1806 г., л. 214.
[56] Там же, л. 258.
[57] Там же, д. 89, 1811 г., лл. 1—3. См. также Архив Государственного совета, т. III (1801—1810 гг.). СПб., 1878, ч. 1, стр. 807—810. Обсуждение вопроса о безземельном освобождении таврических крестьян Каховского.

до 33 руб. 12 коп. в год с тягла, что вместе с другими дополнительными доходами дало бы помещику значительную прибыль [58].

И Каховский, и Беклешев преследовали единую цель увольняя крепостных в свободные хлебопашцы: безземельным освобождением части крестьян создать условия для повышения оброчных платежей, остававшихся в крепостнической зависимости.

Таким образом, в основе всех дел по увольнению крепостных в свободные хлебопашцы в первые годы действия указа прослеживаются различного рода экономические соображения, определяемые состоянием дворянских имений. В 1803—1806 гг. все помещики освобождение по указу «о свободных хлебопашцах» рассматривали как способ избавления от долгов, а также повышения доходности имений.

Но пути к решению этой задачи уже в самом начале проведения его в жизнь намечались различные. Среди них: попытки новых форм хозяйствования, более соответствующих потребностям товарного производства; увеличение наделов путем безземельного освобождения части крестьян и расширение за их счет производственной мощности поместий; незначительная модернизация старых производственных отношений с расчетом на то, что личное освобождение при сохранении прежней формы собственности на землю — достаточный стимул для повышения производительности труда и, наконец, попытка при сохранении старых форм отношений и труда повысить трудоспособность крепостных обещанием освобождения и передачи земли в потомственное владение после смерти помещика.

Если первый путь казался наиболее приемлемым для имений преимущественно нечерноземных губерний, втянутых сильнее в товарные отношения, а также черноземных с интенсивным развитием торговли, то второй и третий преобладали в имениях, производящих хлеб и другие зерновые культуры, а четвертый — в тех владениях, в которых товарное производство и имущественное расслоение были развиты еще слабо.

Из всех случаев увольнения крепостных в свободные хлебопашцы в первые годы действия указа сравнительно эффективными являлись осуществляемые первой группой помещиков.

Увольнение с условным пользованием землей фактически не реализовалось. Известную роль в этом сыграл указ от 19 декабря 1804 г., запрещавший увольнение крестьян в свободные хлебопашцы по духовным завещаниям [59].

В ряде случаев сами крестьяне отказывались от увольнения в свободные хлебопашцы с условным пользованием землей. По сообщению курского гражданского губернатора П. И. Протасова в Министерство внутренних дел, сколько ни внушали крестьянам Беклешева, что составленное им оброкоположение, заменившее условия увольнения, «послужит впредь навсегда к совершенной их пользе и выгоде, крестьяне единогласно отозвались, что на описанные в оброкоположении 10 пунктов условия по причине малого числа у них земли к тому же и неудобной, а также по малоимуществу многих из крестьян никак согласиться не могут, а особливо на доставление разных произрастаний». Они предпочли остаться «на том же денежном оброке, какой до сего платили» [60].

Ответ крестьян Беклешева как бы обобщает все то, что заставляло крепостных отказываться от увольнения: малоземелье, имущественная несостоятельность и особенно сохранение натуральных повинностей, оборотной стороной которых являлось прикрепление к земле или условное ею пользование. Куракин сообщал в Министерство внутренних дел в 1816 г., через 10 лет после возбуждения дела об освобождении сара-

[58] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 18, 1804 г., лл. 147—186.
[59] ПСЗ, т. XXVIII, № 21562.
[60] ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 18, 1804 г., л. 182.

товской вотчины, что все его старания «наклонить крестьян к увольнению за повинности, остались тщетны» и он принужден был «мысль сию к сожалению... совсем оставить»[61]. Отказались от увольнения в свободные хлебопашцы с условным пользованием землей и крестьяне помещицы Разладиной[62].

Попытки помещиков при увольнении крепостных ограничить их право на землю условным владением привели к многолетним волнениям в поместьях К. Нагурского и А. Б. Куракина[63].

Так, в процессе реализации указа от 20 февраля 1803 г. раскрывалась борьба между помещиками и крестьянами за право владения землей, явившейся после пассивного сопротивления дворян одной из важных причин малой его эффективности.

ТАБЛИЦА 5

Фамилии владельцев	Кол-во крестьян в имении м. п.	Размер выкупа одной д. м. п.	Количество тягл	Размер выкупа одного тягла	Количество семей	Размер выкупа семьи от—до	Срок выплаты выкупа
Балакирева	27	222	30	200	10	400—800	единоврем.
Волков	14	328	14	328	5	656—1312	»
Зайцева	11	727	нет данных		5	727—2908	в 4 года
Толстой	35	334	»	»	10	334—3006	единоврем.
Усслар	20	300	»	»	7	300—1500	»
Прончищева	53	295	»	»	22	295—1770	в 2 года
	19	315	»	»	9	315—945	»
Шувалова	15	234	»	»	2	1638 в среднем	единоврем.
Шкурин	20	1000	»	»	9	1000—4000	»

Увольнение в свободные хлебопашцы, кроме того, было малодоступно для крестьян из-за выкупной цены, колебавшейся в рассматриваемых случаях примерно от 160 до 1050 руб., при наибольшем ее распространении в 200—400 руб. за каждого крепостного мужского пола. А если учесть, что крепостным предстояло произвести выкуп семьи, то трудность освобождения представится еще более ясно.

Вместе с тем стоимость выкупа и сроки его выплаты свидетельствуют о высоком экономическом потенциале крестьян, увольнявшихся в свободные хлебопашцы. Причем крестьяне всех помещиков, указанных в таблице 5[64], внесли выкупную сумму своевременно, кроме крепостных Усслар, увольнение которых не состоялось. Кроме того, назначаемая в условиях увольнения стоимость выкупа не учитывала дополнительные взносы: проценты в случае погашения долга помещика, пошлины при записи в новое состояние в казенной палате. Только последние составляли 5% выкупной суммы и выплачивались большей частью крестьянами[65]. Все это резко ограничивало круг крестьян, способных совершить выкупную операцию, тем более, что частный займ для них был почти недоступен, ибо требовал поручительства помещиков, а государственный кредит для увольнявшихся в свободные хлебопашцы не был организован.

Однако отсюда не следует, что указ от 20 февраля 1803 г. был нереален в своей основе. Он отражал процессы, развитие которых ощущалось в российской деревне начала XIX в., хотя удельный вес их был еще и невелик.

---

[61] Там же, д. 100, 1811 г., лл. 21—22.

[62] Там же, д. 44, 1806 г., л. 348 об.

[63] Там же, д. 31, 1805 г., лл. 301—304; д. 100, 1811 г.

[64] Таблица составлена на основании данных: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, дд. 11, 12, 14, 1804 г.; д. 23, 1805 г.; дд. 37, 39, 41, 47, 1806 г.; д. 49, 1807 г.

[65] См., напр., дела об увольнении крепостных помещиков Ключаровой, Дю-Монте: ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 234, д. 28, 1805 г., л. 321—322; д. 46, 1806 г., лл. 36—39.

По всей видимости, издавая указ от 20 февраля 1803 г., правительство Александра I ориентировалось и на зажиточных крестьян, но руководствуясь не их интересами, а результатами их выкупа на волю. Подобно тому как указ от 12 декабря 1801 г. должен был «дать новое поощрение земледелию и промышленности народной»[66], указ от 20 февраля 1803 г., развивая эту линию, рассматривался и как источник укрепления экономического положения дворян.

Но какой бы ни была конечная цель правительства, издавшего этот указ, появление его было обусловлено определенными процессами, проходившими в начале XIX в. в социальной и экономической жизни крепостной деревни. Ограниченность же его сферы действия соответствовала уровню развития этих новых процессов и степени экономического подрыва личной зависимости крестьян.

Тем самым указ «о свободных хлебопашцах» содействовал, хотя и в малой степени, развитию экономической свободы части крестьянских хозяйств, а вместе с тем явился первым шагом на пути законодательного оформления обратной раскрепощающей крестьян эволюции третьего по ленинской периодизации признака барщинного хозяйства[67].

---

[66] ПСЗ, т. XXVI, № 20075.
[67] В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 185.